

DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.2

Реликтовое излучение «Философского парохода»

© А. Н. Чумаков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991 г. Москва, Ленинские горы, 1, р. 13А, корп. В.

Email: chumakov@iph.ras.ru

Осенью 2022 года исполняется 99 лет «Философскому пароходу», ставшему символом и собирательным понятием высылки из России неугодных Советской власти деятелей науки и культуры. Статья посвящена анализу этого исторического события, предопределившего дальнейшее развитие философской и гуманитарной мысли в России. Автор обращается к фактам и документам, раскрывающим суть происшедших тогда и в последующие годы событий, которые привели к установлению в стране философского единомыслия. Показано также, что серьезные последствия для современной российской философии имеет тот факт, что марксистское отождествление философии и науки до настоящего времени не получило должного переосмысления. В этой связи обращается внимание на то, что тема «философского парохода» не утратила своей актуальности, поскольку для исправления ситуации понимание причинно-следственных связей и устранение истинных причин негативных явлений много важнее бесконечной борьбы со следствиями.

Ключевые слова: Россия, философия, изгнание, волны эмиграции, марксизм, наука, научные и философские журналы.

Историческое эхо осени 1922 года

С тех пор как в 1990 г. с подачи С. С. Хоружего в научный и философский оборот было введено понятие «Философский пароход», тема эта стала предметом особого внимания и специального обсуждения, во всяком случае в российском философском сообществе. Конкретным же поводом использования такого необычного словосочетания послужили события девяностодевятилетней давности, когда два рейса немецких пассажирских пароходов «Oberbürgermeister Naken» и «Prussia», соответственно 29–30 сентября и 16–17 ноября 1922 г. доставили из Петрограда в Штеттин более 160 неугодных Советской власти деятелей науки и культуры. В свое время в интервью американскому журналу Л. Д. Троцкий так прокомментировал это событие: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [19, с. 265–268]. Так началась то усиливающаяся, то затухающая, но не закончившаяся до настоящего времени эпоха вынужденной эмиграции из России.

В связи с этим важно подчеркнуть, что эмиграция из страны имела место и до революции 1917 г. Но тогда она носила в основном естественный характер и была сопоставима с аналогичными процессами из европейских стран, в частности, в Америку. Однако после установления Советской власти свою родину стали вынужденно покидать уже главным образом по политическим и идеологическим причинам, к тому же все более образованные слои населения и в массовом порядке. В СССР о такой проблеме было неприято говорить. И только с конца 1980-х гг., на волне политики гласности, эта тема стала предметом открытого обсуждения [6, 21]. В итоге события, связанные с темой «философского парохода», сложились в более четкую картину культурных трансформаций в России после 1917 г. [1, 4].

В данном контексте специального внимания заслуживает опубликованное в 2018 г. оригинальное и первое в своем роде издание – «*Русское зарубежье: Антология современной философской мысли*» [17], где с разных сторон и достаточно широко представлено русское философское зарубежье наших дней [20, с. 3–15]. Авторы разноплановых статей этой коллективной книги живут и работают в настоящее время в различных странах и практически на всех континентах планеты. А собрал их в единый коллектив инициатор идеи этого издания (он же и составитель антологии) доктор философии, выпускник Московского государственного института международных отношений (МГИМО), а ныне профессор Университета искусств в Филадельфии (США) Михаил Сергеев. Ссылаясь на специальную литературу и многочисленные источники, он отмечает *четыре волны* исхода из России творческой интеллигенции. И хотя разные исследователи выделяют различные периоды данного явления, все они, как правило, сходятся во мнении, что перманентная череда массовой эмиграции началась с установлением Советской власти и продолжается до настоящего времени [18].

Вспоминая печально известную историю «Философского парохода», М. Сергеев, в частности отмечает, что на двух немецких пароходах «в вынужденную эмиграцию были отправлены выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки, в их числе Николай Бердяев, Семен Франк, Иван Ильин, Лев Карсавин, Николай Лосский и многие другие» [17, с. 9]. То была *первая волна* вынужденной эмиграции, которая началась после революции 1917 г. и продолжалась до конца 1930-х гг. Эту волну эмиграции именуют также «белой», поскольку пик ее пришелся на конец гражданской войны и был связан с уходом за границу значительной части представителей потерпевшей поражение белой армии. Затем изгнанию подверглась идейно чуждая революции интеллигенция. Так, летом 1922 г. в Государственном политическом управлении были составлены три списка инакомыслящих, подлежащих высылке: московский, петроградский и украинский. В этих списках на выдворение наряду с профессорами и учеными были литераторы, юристы, врачи, инженеры, экономисты, агрономы, политические и религиозные деятели и даже студенты. Последовали обыски и аресты в Москве, Петрограде, Казани, на Украине.

Из страны изгонялись как пароходами, в том числе и из Одессы, Севастополя, так и поездами, в частности, из Москвы в Латвию, Германию. 3 декабря 1922 г. из Грузии были депортированы в Берлин еще 60 человек. Высылаемые давали подписку о невозвращении в РСФСР под угрозой смертной казни. Массовый исход из России затронул представителей различных сфер общественной и культурной жизни страны. Помимо вышеупомянутых философов, в результате начавшейся компании были высланы и такие широко известные деятели культуры, науки, политики, как В. Кандинский, Ф. Шаляпин, М. Шагал, П. А. Сорокин, В. В. Набоков, И. И. Сикорский, В. К. Зворыкин и др. В итоге по разным оценкам в этот период из страны выехало от 2.4 до 4.5 млн человек [18].

В специальной литературе считается обоснованной точка зрения относительно еще *трех волн* оттока российских граждан из страны.

Так, *вторую волну*, длившуюся с 1939 до середины 1950-х гг., *связывают* с событиями Второй мировой войны. Тогда эмигрантами стали в основном лица, проживавшие на территориях, вошедших в состав СССР перед войной, а также определенная часть узников немецких концлагерей, не пожелавших возвращаться на родину. Общие масштабы второй волны эмиграции оцениваются в пределах от 5.5 до 10 млн человек [2, с. 61].

Третья волна эмиграции пришлась на период 1970–1980-х гг., когда страну покинуло еще порядка 1.1–2 млн человек. Эта эмиграция была связана с тем, что в 1972 г. граждане еврейской

и немецкой этнической принадлежности получили формальное разрешение покидать СССР и уезжать на историческую родину. Другая категория уехавших – это под разными предлогами покинувшие Россию или официально поехавшие за рубеж и отказавшиеся вернуться на родину оппозиционно настроенные деятели науки, искусства, спортсмены, диссиденты. В этот период страну покинули А. А. Зиновьев, А. И. Солженицын, И. Бродский, М. Шемякин, Э. Неизвестный, М. Барышников, С. Крамаров, Э. Лимонов, А. Могильный, В. Корчной, Л. Белоусова и О. Протопопов и другие выдающиеся представители российской культуры.

Четвертая волна исхода из страны приходится на настоящее время. Она начинается в 1988 г., когда на волне перестройки был разрешен свободный выезд из Советского Союза. «Этот процесс миграции продолжается и поныне», – отмечает М. Сергеев, подчеркивая при этом, что уехавшие в этот период россияне, «как правило, сохраняют российское гражданство, часто приезжают на родину навестить родных и близких и в любой момент могут вернуться. По существу, это сугубо географическая миграция населения, приводящая к созданию русскоязычных общин по всему миру – так называемого «Русского зарубежья»» [17, с. 12]. Он также подчеркивает, что в местах компактного проживания «русскоязычное население сохраняет связи с родной культурой, создает творческие объединения, проводит конкурсы и фестивали на русском языке». Этот творческий дух русских, проживающих за пределами своей родины, в полной мере относится и к философам, покинувшим родину с третьей и четвертой волнами эмиграции, говорит М. Сергеев и называет их пассажирами «Философского парохода-2» русской культуры зарубежья» [17, с. 12].

Эта волна эмиграции имеет ту особенность, что многие россияне, получив свободу передвижения, устремились за рубеж в основном по экономическим и отчасти социально-политическим причинам. При этом значительная часть из них – это высокообразованные специалисты и работники интеллектуальной сферы. По масштабам же и динамике перемещения современная эмиграция не менее интенсивная, чем предыдущие. Так, по официальной статистике Росстата, всего с 1989 по 2014 год Россию покинули около 4.5 млн человек. В 2014 г. из страны уехали 310.5 тыс. человек, в 2015 г. – на 43 тыс. человек больше. В 2016 г. эта цифра составила – 313 тыс., в 2017 г. – 377 тыс., а в 2020 г. – 380 тыс. человек. Однако специалисты предупреждают: чтобы получить представление о реальных масштабах эмиграции, эти цифры нужно увеличить в три-четыре раза, поскольку вышеприведенные официальные цифры Росстата намного меньше, чем данные, взятые из зарубежных источников, т.е. от принимающей стороны [22].

Сегодня русская диаспора не только одна из самых больших в мире, но и одна из самых распространенных. По разным оценкам ее численность составляет около 25–40 млн человек [16]. Потеря такого количества сограждан, причем наиболее активных и образованных, весьма серьезный урон для страны. Фактически речь идет о культурном и нравственном разломе, если не сказать больше – о национальной трагедии нашего общества. Разумеется, эмиграция – явление не новое и вполне закономерное. Она сопровождает человечество на протяжении всей его истории и в перспективе ей (как добровольной, так и вынужденной) не видно конца. Но особенностью и печальной страницей истории нашего государства является то, что в течение последних ста лет исход из России стал массовым, перманентным и происходит он по большей части «по необходимости», в качестве альтернативы незаконным притеснениям, репрессиям, лишению свободы, а то и жизни.

Тема эта еще далеко не исследована, но и того, что уже опубликовано, получило огласку, вполне достаточно, чтобы сделать вполне определенные выводы. Так, совершенно очевидно,

что не только гражданская война стала причиной массового исхода из России. И «Философский пароход» был вовсе не случайным, а закономерным результатом развития социально-политических событий того времени. Именно с них и начинается незатухающая вот уже в течение ста лет то усиливающаяся, то на какое-то время ослабевающая в силу соответствующей государственной политикой эмиграция. В связи с этим следует отметить, что уже с самого начала наряду с высылкой за рубеж все большие обороты набирала тенденция репрессий внутри страны.

Так, уже в декабре 1917 г. В. И. Ленин предельно ясно сформулировал позицию правительства по этому вопросу: «Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам... с ними надо расправляться, при малейшем нарушении... В одном месте посадят в тюрьму... В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами... В четвертом – расстреляют на месте... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт...» [11, с. 200, 201, 204]. Он же в телеграмме Пензенскому Губисполкому 9 августа 1918 г. писал: «...провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города...» [13, с. 143–144]. И там же: «Насчет иностранцев советую не спешить высылкой. Не лучше ли в концлагерь...» [13, с. 335]. В дальнейшем высылка за рубеж все больше стала замещаться арестом и тюрьмой не только иностранцам, но и своим. В частности, в мае 1922 г., оправдывая насилие и ратуя за его ужесточение, Ленин писал: «...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [12, с. 190].

Таким образом, курс на «Философские пароходы» был предопределен. Согласиться с такой государственной политикой, тем более поддерживать ее думающая, социально ответственная и наиболее образованная часть населения, конечно, не могла. И философы среди них явно выделялись, оказываясь на переднем плане мировоззренческого, идеологического и нравственного противостояния. Позицию же такую занимали по определению, поскольку истинная философия, теряя свободомыслие, перестает быть таковой. Она по природе своей противится любому насилию, как интеллектуальному, так и физическому. К тому же истинный философ не может абстрагироваться от моральных проблем и не давать нравственных оценок происходящему [14, с. 19–31]. В противном случае, он становится идеологом, к тому же безнравственным.

Поэтому в то время, когда «Философские пароходы» увезли за границу определенную часть в основном уже известных и наиболее авторитетных философов, оставшиеся в советской России и причастные к философии должны были принять для себя непростое решение. С одной стороны, профессиональный долг требовал от них, как минимум, критического отношения к нетерпимой к инакомыслию и репрессивной политике Советской власти. А с другой стороны, новые теоретико-идеологические установки не оставляли выбора между марксизмом и какой бы то ни было другой мировоззренческой и философской позицией. В то же время как когда-то христианская теология нуждалась в философском обосновании своих догматов, породив тем самым христианскую философию средневековья, так и новая власть, пытаясь реализовать марксистскую теорию на практике, нуждалась в философском обосновании такой теории и вытекающей из нее практики. Да и в целом, с учетом новых реалий и решаемых задач, развитие самой марксистской философии стало актуальным.

Спрос рождает предложение, и долго ждать не пришлось. Очень скоро на российской почве материалистическая марксистско-ленинская философия вытеснила иные философские взгляды и, отстаивая право быть «истинной», «научной», «единственно верной» философией, сама стала полем острейшей борьбы с инакомыслием, «ревизионизмом», «левизной», «уклонистами» и т.п.

К истокам философского единomyслия в России

Идеи марксизма стали проникать в Россию с конца XIX в. усилиями Г. В. Плеханова и его соратников, объединившихся за рубежом (в Женеве) в группу «Освобождение труда». Они первые перевели на русский и издали ряд сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и стали выпускать марксистский журнал «Новое слово». Дальнейшее развитие марксизма в России было тесно связано с В. И. Лениным, который рассматривал философию, прежде всего, как инструмент для достижения политических целей. Его наследием в этой области являются: «Философские тетради», «Государство и революция», «Материализм и эмпириокритицизм». В целом же его отличали партийная непримиримость и радикализм суждений, что сказалось и на последующем развитии марксизма в нашей стране. Теоретическую основу новой идеологии составила марксистско-ленинская философия, ставшая официальным советским учением и средством идеологической борьбы, сопровождаемой подавлением инакомыслия и репрессиями, в ходе которых целые научные направления объявлялись «буржуазными» и «идеалистическими», а их «приверженцы подвергались гонениям и репрессиям, вплоть до физического уничтожения» [23].

После революции некоторое время (до начала 20-х гг.) еще сохранялись разнообразные философские направления, представленные Н. А. Бердяевым, Н. О. Лосским, Г. Г. Шпетом и др. Существовали различные философские сообщества и кружки. Так, в 1918 г. Н. А. Бердяев создает Вольную академию духовной культуры, с философско-гуманитарным факультетом при ней. В 1919 г. по инициативе А. Белого, Р. В. Иванова-Разумника и других была учреждена Вольная философская ассоциация (Вольфила). В 1921 г. возобновило работу Петербургское философское общество. В этот период еще издавались не ангажированные новой властью журналы; работали многочисленные издательства; выходили сочинения Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, П. А. Сорокина, Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка и др.

Однако к 1922 г., когда основные боевые действия Гражданской войны закончились и борьба за политическое доминирование, начатая большевиками после приходу к власти в 1917 г., по существу, завершилась, на смену ей пришли новые баталии – теперь уже за установление идеологической монополии и интеллектуального господства. В этих условиях сторонники марксистской диалектико-материалистической философии выступили с резкой критикой религиозно-идеалистических взглядов своих идеологических оппонентов, квалифицируя их как реакционные и контрреволюционные. В самой же диалектико-материалистической философии начинается канонизация высказываний Ленина, что предопределило не только формирование догматического стиля советского философского мышления, но и резкое падение преподавания гуманитарных наук в вузах. Характерным в этом отношении является утверждение тогдашнего заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского о недопустимости привлечения «буржуазных спецов» к преподаванию обществоведческих дисциплин. «Нам нужно завоевать высшую школу, вытеснив белого профессора и заменив его красным», – заявил он. А для восполнения кадрового дефицита чиновник предложил «привлекать членов

партии, даже не окончивших университет или без образования, но обладающих достаточным партийным опытом, а также специалистов-марксистов, не состоящих в партии» [10, с. 52].

Укрепление марксистских позиций с нарастающей активностью ведется и по другим направлениям. Так, в 1922 г. создается первый философский журнал «Под знаменем марксизма», главным редактором которого становится А. М. Деборин. В редколлегию журнала вошли члены Политбюро: Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, Л. Б. Каменев. В середине 20-х гг. создается Общество воинствующих материалистов, ставившее основной задачей разработку основ диалектического материализма, борьбу с идеализмом и «извращениями» материализма. К этому же времени относится и начало борьбы «диалектиков» и «механистов». В группу диалектиков, состоящую из философов во главе с А. М. Дебориным, входили И. К. Луппол, Я. Э. Стен, А. Я. Троицкий, Н. А. Карев, А. А. Максимов, К. К. Милонов и др., которые отождествляли марксистскую философию с диалектикой. Против них выступали механисты (в основном представители естествознания) И. И. Скворцов-Степанов, В. Н. Сарабьянов, И. А. Боричевский, А. К. Тимирязев и др., обосновывавшие тезис о том, что марксистская философия совпадает с теоретическими выводами современной науки, а фундаментальные законы науки имеют общеполитическое значение.

Здесь опять напрашивается аналогия со средневековой схоластикой. Как и тогда в изнурительных и в общем-то пустопорожних спорах «ломали копыя» номиналисты и реалисты, так и на заре Советской власти марксисты «скрестили шпаги» вокруг двух основных вопросов: *о предмете марксистской философии* и *о соотношении количественных и качественных методов анализа*. Однако и эти дискуссии к началу 30-х гг., с партийной точки зрения, оказались недостаточно идеологически выдержанными, не отвечавшими требованиям «марксистской партийности».

Новую догматическую и предельно идеологизированную марксистско-ленинскую философию, разрывавшую преемственную связь с предшествовавшей отечественной религиозной философией, а также с любой иной немарксистской философией, пытались идейно оформить и всеми способами продвигать М. Б. Митин и его сторонники. Особый резонанс имела опубликованная 7 июня 1930 г. в «Правде» «статья трех» (М. Б. Митина, В. Н. Ральцевича и П. Ф. Юдина) «О новых задачах марксистско-ленинской философии», в которой выдвигались политические обвинения в адрес деборинцев, в частности, в том, что они проявили пассивность в разоблачении троцкистов. В том же году вышла еще одна коллективная статья «О задачах борьбы на два фронта», подписанная Митиным, Пичугиным, Тащилиным, Тимоско и Юдиным, где они выступили как против деборинцев, так и против механистов. Главное обвинение состояло в том, что в своем противостоянии и те, и другие забыли актуальные вопросы социалистического строительства. Тем самым от разработки теоретических вопросов, в чем видели свою основную задачу деборинцы, философская тематика все больше смещалась к требованиям развития и укрепления непосредственной связи философии и политики. «Механистам» присвоили ярлык «уклонисты», деборинцам – «меньшевистствующие идеалисты».

Так окончательно завершился период борьбы мнений и относительно свободных дискуссий. К концу 30-х гг. о Ленине уже почти не вспоминали, а марксизм практически перекроили под Сталина, которому приписывались особые заслуги в создании новой марксистской диалектики. Опубликованный им в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП (б)» и в частности глава «О диалектическом и историческом материализме» были объявлены вершиной философской мысли и «энциклопедией философских знаний в области марксизма-ленинизма». Тех, кто не

разделял таких взглядов или не проявлял к ним хотя бы лояльности, причисляли к отступникам, объявляли «врагами народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для развития живой философской мысли это означало лишь одно – упадок и деградацию, последствия чего сказываются до настоящего времени.

В плену непреодоленного прошлого

Вполне очевидно, что философия не может полноценно развиваться вне общения и живого обмена мнениями, без профессиональных бесед и дискуссий, без того, наконец, чтобы иметь дело также с решением, казалось бы, сугубо практических проблем. В частности, мировая тенденция такова, что философию стремятся повернуть лицом к реалиям современной жизни и, прежде всего, к формированию новой этики, глобального мышления и экологически ориентированного мировоззрения. Конечно, философия непременно и непосредственно не влияет на принятие политических, социальных и других решений, хотя и это не исключается. Но формируя мировоззрение людей, она тем самым в значительной степени предопределяет и их поведение, и их подходы в процессе выработки таких решений. Выполняет она и другие функции, но важно иметь в виду, что у философского знания нет четко обозначенных границ, и это дает возможность понимать философию как личный, субъективно переживаемый опыт автономного мыслителя.

У нее, в отличие от того или иного научного знания, нет единой системы, нет основателей и продолжателей (в том смысле как это есть у научных дисциплин), а путей философствования в итоге оказывается множество. Философские теории, таким образом, находятся в противоречиях, а нередко и взаимоисключают друг друга. Иными словами, разные взгляды, позиции в философии – это ее естественное состояние и, более того, они абсолютно необходимы для поддержания творческого процесса. Дорога философии устлана прецедентами; образно говоря, философия – «штучный товар», чего никак не скажешь о науке. И. Кант, отмечая эти особенности философии, утверждал, что можно учить философствовать, но не философии, ибо она не имеет фундамента в виде эмпирической базы и подобна воздушному замку, живущему лишь до следующего философа. Ему вторит А. Шопенгауэр: «Философ никогда не должен забывать, что философия есть искусство, а не наука».

Подобных высказываний множество, но их общая суть такова, что философия, хотя и является «прародительницей», «матерью» всех наук, тем не менее от науки принципиально отличается. В западной философской традиции эта тема оказалась в центре внимания с первой половины XIX в. и в принципе получила решение, прежде всего, усилиями представителей позитивизма. В России же данная проблема имеет свою историю и выглядит несколько иначе. На протяжении многих десятилетий марксистско-ленинская философия, отождествлявшая себя с наукой, относилась к другим философским системам как к «ненаучным», «ошибочным», «преодоленным». В связи с этим и преподавалась она не иначе как конкретная научная дисциплина – по единому плану и учебникам, написанным по заданному шаблону. При этом ставилась задача *научить* студентов философии, когда они должны были усвоить, прежде всего, вполне конкретную и выверенную сумму знаний и готовых решений типа учения об *общественно-экономических формациях, основном вопросе философии* и т.п. Заметим, что речь идет не об истории философии, где такой подход в принципе оправдан и даже необходим, а о проблемном, систематическом курсе философии.

После утраты марксистской философией своего доминирующего положения очень скоро встал вопрос о статусе и соотношении философии и науки. Но дискуссия на ту тему закончилась

уже к середине 1990-х гг., практически и не начавшись, по существу. Посчитали, что вопрос не настолько серьезный, чтобы *кандидатов* и *докторов философских наук* уравнивать в правах и именовать *докторами философии*. Не придали значения и тому, что следует проводить различие между научными и философскими текстами, изданиями, журналами и т.п. Таким образом, все так и осталось, по-старому...

В итоге российские философы и теперь, как в советские времена, продолжают защищать диссертации на получение *ученой* степени *кандидата* и *доктора философских наук*. Обретая таким образом статус *ученого*, они (по заведенной марксистами традиции) проводят *научные* конференции, симпозиумы, семинары, а философские книги по большей части обозначаются как *научные* издания. И даже сугубо философские журналы продолжают именоваться *научными*.

Но наступили иные времена. Пришли новые технологии, Интернет, наукометрия, цифровизация, а с ними и одинаковые (унифицированные) критерии и требования к научным текстам, монографиям и журнальным публикациям, равно как и к результатам работы ученых [13, с. 54–70; 7, с. 118–123; 5, с. 5–26]. А поскольку в России до настоящего времени не проводится никакой разницы между философией и наукой, то все это в полной мере относится теперь и к философии. В итоге философы должны наравне с учеными отчитываться по стандартам и лекалам науки, когда, например, статья в высокорейтинговом научном журнале ценится выше солидной монографии. Также ни философское эссе, ни иной философский текст без обязательных ссылок на первоисточники по причине их несоответствия научным критериям не будут приняты к публикации ни в один определяемый как научное издание журнал, где каждая статья непременно должна сопровождаться аннотацией, ключевыми словами, соответствующими ссылками и списком литературы, оформленными по соответствующим нормативам и т.п.

А проблема в том и состоит, что у нас до сих пор нет должного различения философии и науки. Такое смешение жанров подобно тому, как если бы некто, приглашенный на торжественный прием, пришел бы туда в спортивном костюме. Также фрак или туфли на шпильках вряд ли были бы уместными в спортивном зале – для этого предусмотрена другая форма одежды. Иными словами, нельзя пренебрегать формой, решая содержательные задачи!

Точно также в корне неправильно именовать философские конференции или журналы научными. Они *философские*! И этим все сказано. Отсюда и публикация в таких журналах философских эссе, философских писем, очерков, диалогов и т.п., которые по определению не могут соответствовать критериям научности, не только – норма, но и необходимое условие! Но тогда и критерии оценки публикаций в философских журналах должны быть отличными от тех, которые установлены для научных изданий. При этом философские журнальные статьи никак не могут быть более значимы, чем монографии, и выступать основным критерием результативности творческой деятельности философа.

Без учета сказанного Сократ, например, имел бы нулевые показатели в любой наукометрической базе данных не только в пору своей философской зрелости или на пике популярности под конец жизни, но и в последующие времена, существуя тогда такая система оценки научного творчества. А как учесть его творческий потенциал и «научную результативность» сегодня, обратившись к базе данных электронной библиотеки или посредством современных критериев оценки научной деятельности?! Письменных работ у него нет никаких, а все ссылки на его идеи и высказывания любые наукометрические системы «справедливо»

запишут на счет Платона, Ксенофонта и Диогена Лаэртского. Возможно ли такое в научном творчестве? Вопрос риторический.

Таким образом, если философы сами не будут проводить должного различия между философией и наукой, если не скажут четко и ясно, что их журналы, книги, конгрессы, конференции, симпозиумы и т.п. *философские*, а не *научные*, то за них это никто и никогда не сделает, а сетованиям на несправедливость указанных выше требований не будет конца. Но несомненно и то, что в конечном счете эта проблема не только философская, но и бюрократическая, требующая и соответствующих административных решений, в т.ч. и на государственном уровне [8, с. 211–223]. Однако в контексте современного отношения на государственном уровне к гуманитарной сфере в целом и к философии в частности скорого решения данной проблемы ожидать не приходится¹.

Отсюда вполне очевидно, что осмысление темы «философского парохода» все еще остается актуальной задачей. При этом понимание причинно-следственных связей, причем далеко не всегда очевидных, и устранение истинных причин негативных явлений много важнее, нежели бесконечная борьба со следствиями. К этому же подталкивает и ситуация жесткой конкуренции на глобальном уровне, которая ставит нашу страну перед необходимостью решить задачу первостепенной важности – определить свое достойное место в современном мире с учетом позитивного и негативного, как своего, так и накопленного другими странами опыта. И вряд ли стоит рассчитывать, что история подарит нам еще одно столетие для проведения очередного социального эксперимента [9, с. 135–154].

В связи с этим особый смысл и значение обретают слова Булата Окуджавы, которые как нельзя лучше подходят в качестве эпилога к разговору о «Философском пароходе», в канун 99-летия со дня начала этой беспрецедентной акции.

Пока от вранья не отвыкнем
Традиции древней назло,
Покуда не всхлипнем, не вскрикнем:
Куда это нас занесло?!
Пока покаянного слова
Не выдохнет впалая грудь,
Придется нам снова и снова
Холопскую лямку тянуть [15].

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210602).

Литература

1. Бабичева М. Е. *Писатели второй волны русской эмиграции*. М., 2005. .
2. Брук С. И. Миграции населения. Русское зарубежье // *Народы России: Энциклопедия*. М., 1994. С. 61.

¹ Весьма показательны состоявшиеся после долгого перерыва выборы в Российскую академию наук, прошедшие в 2016 г. То были самые масштабные выборы за всю историю академии. В целом же суммарное число избранных членов-корреспондентов составило 323 человека, а академиков – 176. К этому числу надо прибавить еще и 63 вновь избранных иностранных членов Российской академии наук. Философы же могли принять участие в выборах *только по одной вакансии* – академика, тогда как для членов-корреспондентов и вовсе не было выделено *ни одной вакансии*. И это при 562-то вакансиях, которые многими десятками были распределены между различными отделениями академии! У медиков же число избранных и вовсе было запредельным: так, только новых членов-корреспондентов они избирали 113 (!) человек и 48 (!) академиков... (См.: Вестник РФО. 2016. №4(80). С. 16–20).

3. Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // *Век глобализации*. **2020**. №3(35). С. 54–70.
4. *В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов*. М.: ИАИ РГГУ, **1997**.
5. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Приведет ли кибернетическая революция к киборгизации людей? // *Философия и общество*. **2016**. №3(80). С. 5–26.
6. Гросул В. Я. *Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг.* М.: Наука, **1988**.
7. Дорохина Р. В., Лавренов С. В. Этические проблемы цифровизации в системе образования // *Век глобализации*. **2021**. №2(38). С. 118–123.
8. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. I. Архитектура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №4. С. 211–223.
9. Ильин В. В. Философия кризиса: новый век – начало непонятной жизни // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №3. С. 135–154.
10. Коган Л. А. «Выслать за границу безжалостно» (Об изгнании духовной элиты) // *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2 кн. 20–50-е годы*. М., **1998**. Кн. 1.
11. Ленин В. И. Как организовать соревнование? // *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, **1977**. Т. 35.
12. Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, **1970**. Т. 45.
13. Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, **1970**. Т. 50.
14. Мамедов Н. М. Развитие гуманистических идей как глобальный процесс // *Век глобализации*. **2021**. №1(37). С. 19–31.
15. Окуджава Б. Пока от вранья не отвыкнем. URL: <https://rustih.ru/bulat-okudzhava-poka-ot-vranya-ne-otvyknem/>.
16. Русские диаспоры в мире. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/russkie-diaspory-v-mire.html>.
17. *Русское Зарубежье: Антология современной философской мысли*. Бостон: M-Graphics, **2018**. 380 с.
18. Скутнев А. В. Волны российской/советской эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/155/>.
19. *Хрестоматия по истории России. 1917–1940* / Под ред. М. Е. Главатского. М.: Аспект Пресс, **1994**.
20. Чумаков А. Н. «Философские пароходы» и исторические судьбы русской философии (к выходу в свет книги М. Сергеева «Русское Зарубежье: Антология современной философской мысли») // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №1. С. 3–15.
21. Шкаренков Л. К. *Агония белой эмиграции*. 3-е изд. М., **1987**.
22. Эмиграция из России бьет рекорды: статистика зашкаливает! URL: <https://www.yaplakal.com/forum1/topic2251101.html>.
23. Graham L. R. *Science in Russia and the Soviet Union. A Short History*. Cambridge University Press, **2004**.

Поступила в редакцию 24.08.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.2

Relict radiation of the “Philosophers’ steamboat”

© A. N. Chumakov

*Lomonosov Moscow State University
GSP-1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia.*

Email: chumakov5@yandex.ru

The fall of 2022 marks the 99th anniversary of the “Philosophers’ steamboat”, which has become a symbol and collective concept of the expulsion from Russia of scientists and cultural figures disliked by the Soviet regime. The article is devoted to the analysis of this historical event, which predetermined the further development of philosophical and humanitarian thought in Russia. The author refers to the facts and documents that reveal the essence of the events that took place then and in subsequent years, which led to the establishment of philosophical like-mindedness in the country. It is also shown that the fact that the Marxist identification of philosophy and science has not yet received a proper rethinking has serious consequences for modern Russian philosophy. In this regard, attention is drawn to the fact that the topic of the “philosophers’ steamboat” has not lost its relevance, since in order to correct the situation, understanding the cause-effect relationships and eliminating the true causes of negative phenomena is much more important than an endless struggle with consequences.

Keywords: Russia, philosophy, exile, waves of emigration, Marxism, science, scientific and philosophical journals.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of “Sotsial’no-Gumanitarnoe Znanie” Publishing House (Decision No. 210602).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Chumakov A. N. Relict radiation of the “Philosophers’ steamboat” // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 5. Pp. 305–316.

References

1. Babicheva M. E. *Pisateli vtoroi volny russkoi emigratsii [Writers of the second wave of Russian emigration]*. Moscow, 2005.
2. Bruk S. I. *Narody Rossii: Entsiklopediya*. Moscow, 1994. Pp. 61.
3. Bur'yanov M. S. *Vek globalizatsii*. 2020. No. 3(35). Pp. 54–70.
4. *V poiskakh istiny: Puti i sud'by vtoroi emigratsii: Sb. statei i dokumentov [In search of truth: Ways and fates of the second emigration: Collection of articles and documents]*. Moscow: IAI RGGU, 1997.
5. Grinin L. E., Grinin A. L. *Filosofiya i obshchestvo*. 2016. No. 3(80). Pp. 5–26.
6. Grosul V. Ya. *Rossiiskaya revolyutsionnaya emigratsiya na Balkanakh v 1883–1895 gg. [Russian revolutionary emigration in the Balkans in 1883–1895]*. Moscow: Nauka, 1988.
7. Dorokhina R. V., Lavrenov S. V. *Vek globalizatsii*. 2021. No. 2(38). Pp. 118–123.
8. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 4. Pp. 211–223.
9. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 135–154.
10. Kogan L. A. *Filosofiya ne konchaet-sya... Iz istorii otechestvennoi filosofii. XX vek: V 2 kn. 20–50-e gody*. Moscow, 1998. Kn. 1.

11. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* Moscow: Politizdat, **1977**. Vol. 35.
12. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch. [Complete works]*. Moscow: Politizdat, **1970**. Vol. 45.
13. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch. [Complete works]*. Moscow: Politizdat, **1970**. Vol. 50.
14. Mamedov N. M. *Vek globalizatsii*. **2021**. No. 1(37). Pp. 19–31.
15. Okudzhava B. Poka ot vran'ya ne otvyknem. URL: <https://rustih.ru/bulat-okudzhava-poka-ot-vranya-ne-otvyknem/>.
16. Russkie diaspory v mire. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/russkie-diaspory-v-mire.html>.
17. *Russkoe Zarubezh'e: Antologiya sovremennoi filosofskoi mysli [Russian diaspora: Anthology of contemporary philosophical thought]*. Boston: M•Graphics, **2018**.
18. Skutnev A. V. Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/155/>.
19. *Khrestomatiya po istorii Rossii. 1917–1940 [Reader on the history of Russia. 1917–1940]*. Ed. M. E. Glavat-skogo. Moscow: Aspekt Press, **1994**.
20. Chumakov A. N. *Liberal Arts in Russia*. **2020**. Vol. 9. No. 1. Pp. 3–15.
21. Shkarenkov L. K. *Agoniya beloï emigratsii [The agony of the white emigration]*. 3-e izd. Moscow, **1987**.
22. Emigratsiya iz Rossii b'et rekordy: statistika zashkalivaet! URL: <https://www.yaplakal.com/forum1/topic2251101.html>.
23. Graham L. R. *Science in Russia and the Soviet Union. A Short History*. Cambridge University Press, **2004**.

Received 24.08.2021.